

ПРЕДИСЛОВИЕ

Мы начали применять психодраму в работе с детскими группами в 1976 году и, накопив большой опыт, описали нашу концепцию групповой терапии в книге «Психодрама в детской групповой терапии»*.

Эта форма детской групповой психотерапии практикуется в настоящее время в различных профессиональных областях. Мы сами используем этот метод, соответствующим образом модифицируя его, в работе с семьями, отдельными детьми и подростками, а также в профилактической работе с детьми в детских садах и школах, в работе с воспитателями и учителями. Мы описали полученный опыт, и таким образом из практической работы возникла книга для психологов-практиков. Без критики и поддержки наших коллег Барбары Байер, Хельги Шультхайс, Регины Райзингер и Ойгена Шонле это было бы невозможно.

Мы выражаем особую благодарность Карин Амман за работу с текстом и корректуру. Мы благодарим общество «Каритас» за предоставленную возможность собирать плоды нашей работы и делиться ими с другими.

Мы благодарим госпожу Лаубах из издательства «Маттиас-Грюневальд» за ее профессиональный интерес и сотрудничество.

*Альфонс Айхингер,
Вальтер Холл*

* Книга впервые вышла на русском языке в издательстве «Генезис» в 2003 году. — *Примеч. ред.*

1 СЕМЕЙНАЯ ПСИХОТЕРАПИЯ С ДЕТЬМИ

ВСТУПЛЕНИЕ

(Альфонс Айхингер)

Уже достаточно давно, в 1936 году, Морено создал теорию психосоциальных сетей и антропологическую концепцию социального атома, в рамках которой разработал системный подход к психическим нарушениям. Он считал, что терапевтам необходимо учитывать значимый для каждого конкретного случая терапии жизненный контекст, важное для клиента окружение и восстанавливать поврежденный социальный атом клиента (*Petzold, 1982*). Терапевтическим школам, которые все симптомы выводят из психодинамики индивидуума, Морено противопоставлял следующие положения:

1. Человек неотделим от жизненного контекста. Его нельзя понять, исходя только из него самого.
2. Отдельная личность всегда находится в процессе взаимодействия с другими.
3. Отдельную личность можно понять только через ее отношения с другими. Она — и составная часть, и сумма отношений (*Hartmann, 1994, S. 125*).

Введение понятия «социальный атом» (Морено считает его наименьшей единицей измерения социальной структуры отношений индивида) дает возможность рассматривать человека в поле его отношений. Морено описы-

вает социогенетическое существование человека, отмечая, что личность не обладает социальным атомом, а сама принадлежит ему. По его мнению, к социальному атому принадлежат отнюдь не только члены семьи, но все, с кем индивид (в нашем случае ребенок) имеет реальные или желаемые отношения.

По Морено, психические расстройства следует рассматривать в первую очередь как нарушения межчеловеческих отношений, неотделимые от контекста окружения, поэтому социальный атом является первостепенным объектом диагностики и терапии. В терапию необходимо включать изучение значимого жизненного контекста клиента и восстановление его поврежденного социального атома (*Moreno, 1959, 1969*).

Несмотря на то, что уже в ранних работах Морено представлена системная точка зрения (Морено называют пионером системного подхода в терапии — см. *Compernelle, 1981*), в психодраматической литературе редко упоминались попытки непосредственного включения в терапию реального социального атома ребенка. Только с 1990-х годов число статей, в которых психодраматическая теория и практика связывались с системным подходом, стало возрастать (*Bleckwedel, 1992; Bosselmann, 1986; Fryszler, 1993; Hartmann, 1994; Klein, 1988; Knorr, 1992; Lauterbach, 1995; Schacht, 1992; Schmitz, 1989*).

Одни авторы стремились к углублению системного процесса, делая акцент на социометрическом аспекте психодрамы, ориентированной на семейную терапию. Так, например, А. Williams, применяя свою теорию «клинической социометрии», попытался проводить циркулярное интервью* иначе, чем терапевты, ори-

* **Циркулярным интервью**, или **циркулярными вопросами**, системные семейные терапевты называют особый способ интервьюирования, помогающий терапевту получить непредвзятую информацию о взаимодействиях в семье, не становясь жертвой навязываемого ему семейного мифа. Так, терапевт задает вопросы, стремясь высветить различия в отношениях между членами семьи, например, может попросить кого-нибудь из них прокомментировать, как он видит отношения между двумя другими. При этом терапевт часто прибегает к сослагательному наклонению и обращает внимание на невербальное поведение членов семьи. Таким образом, циркулярные вопросы не только собирают данные о семье, но и вводят в систему новую информацию о ней самой, запуская необходимые изменения. — *Здесь и далее примеч. переводчиков.*

ентированные исключительно на вербальный уровень, — он задавал вопросы с социометрической точки зрения. «Для социометриста легко превратить время, интенсивность отношений или различные мнения и точки зрения в пространственную реальность» (Williams, 1994, S. 221).

Другие авторы описывали, как работают психодраматические методы в семейной психотерапии, в процессе которой люди испытывают и переживают свои конфликтные ситуации именно в действии (так как, по Морено, в лечении более эффективны действия, чем разговоры). Это верно как для семьи, которая вместо того, чтобы только говорить о своей проблеме, ее также изображает, так и для терапевта, который встраивает свои интервенции в действия или руководства к действию.

Применяя основные психодраматические техники (дублирование, разговор с самим собой, ролевой обмен, пустой стул, работу со скульптурой) и социометрический метод, мы можем помочь семье увеличить свободу действий и высвободить творческий потенциал ее членов, способствуя их росту.

Преимущество психодраматического метода перед чисто вербальными методами заключается и в том, что психодрама, помещая проблемные ситуации в игровые сцены, делает динамику отношений более доступной для исследования и понимания. Этот метод благодаря своей наглядности дает возможность увидеть проблему более объемно и отчетливо, чем это можно сделать только при помощи опроса и разговора. Системные формы интервенций, когда они превращаются в действия, сильнее воздействуют на членов семьи (Knorr, 1992). Например задавая вопросом о будущем, мы можем психодраматически оформить сцену так, что будущее будет непосредственно сыграно и прожито в действии.

Ограниченность возможностей консультации, которая проводится только вербально, особенно быстро обнаруживается в работе с маленькими детьми и их семьями. Например, при циркулярном интервью умение посмотреть на что-то с точки зрения другого «опирается на способность к социальному и эмоциональному принятию на себя чужой позиции, которая, согласно психологии развития, формируется только в младшем школьном возрасте. Познавательных способностей ребенка

младше 6 лет недостаточно и для формирования им своей концепции семьи и последующего воспроизведения образцов отношений между поколениями, которые так важны для семейных терапевтов (“Мать хочет дать дочери то, чего ей самой не доставало от ее матери”)» (*Lindner, 1993, S. 61*). Когда терапевт работает исключительно на словесном уровне, у маленьких детей нет возможности полноценно участвовать в сессии, поскольку в этом случае к ним предъявляются чрезмерные требования. Поэтому неудивительно, что дети становятся беспокойными, ноют, мешают и начинают испытывать неприязнь к семейным сессиям.

Метод «взрослой» психодрамы благодаря компоненту действия в определенной степени подходит для детской терапии. Однако в работе с семьями, где дети младше 10 лет, этот метод тоже (как и упомянутые выше чисто словесные методы) оказывается ограниченным.

Если мы хотим принять в семейную терапию детей, не предъявляя к ним чрезмерных требований, не обращаясь с ними как с маленькими взрослыми, то мы должны использовать их язык, их способы выражения эмоций и переработки полученного опыта, а именно игру — «королевскую дорогу» к детям. Игра изображает действительность именно так, как ребенок ее в настоящий момент видит, переживает, чувствует и интерпретирует. Она одновременно является и присвоением, и конструированием реальности, беря на себя задачу ребенка «справляться с жизнью» в данный момент, так как других техник и возможностей в распоряжении ребенка еще нет (*Oerter, 1999*). В игре дети, как и взрослые, находят путь к собственным спонтанности и креативности, и в этом Морено видит ее исцеляющее действие. Детская психодрама может обогатить работу с семьей, используя разнообразные возможности игрового обращения с ней как с системой. Назовем лишь несколько преимуществ детской психодрамы:

- Творческие источники детской игры помогают ослабить излишнюю серьезность взрослых и преодолеть их одностороннюю ориентацию в проблеме.
- Игра ориентирована на ресурсы семьи: в ней делается ставка на спонтанность и креативность, она пробуждает доверие к собственным исцеляющим силам семьи.

- В игре дети, изображая свою действительность, одновременно и изменяют ее, поэтому игра помогает «расшатать» застывшие точки зрения и ригидные образцы поведения. («В игре <...> конфликты будут перерабатываться таким образом, что Я возьмет реванш: или подавив проблему, или найдя приемлемое решение». — *Piaget, 1975, S. 192.*) Следовательно, игра ориентирована не на проблему, а на решение проблемы. В игре можно наблюдать безграничные творческие способности детей: из неприятной, болезненной для них ситуации они выносят удовольствие и радость и ощущают себя активными существами, удерживающими происходящее в своих руках. Взрослые могут лишь поучиться у детей такой креативности.
- Игра приносит в терапевтическую работу напряженность и удовольствие, что имеет не последнее значение именно в работе с детьми. Так как для многих детей их симптом является решением проблемы, а не самой проблемой, то дети слабо заинтересованы в процессе семейной консультации. Нам необходимо подогреть детский интерес к совместной работе. Это удастся лучше, если работа увлекательна и приносит удовольствие.

РАБОТА С ФИГУРАМИ И С КУКЛАМИ КАК ИНТЕРВЕНЦИЯ В СЕМЕЙНОЙ ТЕРАПИИ

(Вальтер Холл)

Описанные ниже интервенции с применением фигур или кукол, надеваемых на руку, особенно хорошо подходят для начальной фазы семейной терапии.

Цели этих интервенций:

- организовать по возможности максимально эффективное сотрудничество с семьей;
- с диагностической точки зрения — сформулировать в процессе работы совместную исходную гипотезу;
- способствовать изменениям.

В начале терапии перед нами всегда возникает задача понять динамику семьи, то есть понять, как интрапсихическая

система ребенка, которого привели на консультацию, пересекается с интрапсихическими системами его родителей, братьев и сестер и какие взаимодействия между ними поддерживают его симптоматику. Этот вопрос звучит и в жалобах родителей: «Мы не понимаем, почему он так себя ведет. Мы совершенно сбиты с толку! Почему он не перестанет так делать, ведь тогда все было бы хорошо?» Родители бывают особенно рассержены и разочарованы, когда их ребенок не может назвать причин своего поведения или попросту молчит в ответ на вопрос, почему он так себя ведет. Иногда родители говорят нам: «Может, вы поговорите с ним один на один, а мы побудем в комнате ожидания, сколько потребуется, нам ведь он ничего не скажет!» Из этого можно сделать вывод, что они не воспринимают себя частью семейной системы и не имеют никакого представления о бессознательной динамике в семье. Поэтому мы должны организовывать дифференциально-диагностическую работу так, чтобы в ней могли принимать участие и родители, и дети. Благодаря этому и те и другие начинают лучше понимать динамику и берут на себя больше ответственности за происходящее.

Семья, как правило, хочет знать, что же «обнаружилось» в процессе первой беседы (так называемой разъяснительной фазы), на которой они так много сообщили о себе. Перед нами в таком случае встает вопрос: как рассказать о своем предварительном понимании семейной проблемы, чтобы оно было принято родителями и детьми? Для этой цели хорошо подходит работа с фигурами.

С помощью композиции из фигур животных (мы называем ее скульптурой) можно очень наглядно представить значение отдельных членов семьи — благодаря наличию фигур разного размера, — а также отобразить степень близости между членами семьи. Такая статичная социометрическая расстановка к тому же легко обозрима, ее можно охватить одним взглядом, что дает дополнительное преимущество.

Во время второго терапевтического шага эта статичная форма может «ожить» и превратиться в какую-либо психодраматическую сцену, в которой дети, побуждаемые терапевтом, начинают совместную игру или же сам терапевт отражает

динамику семейных отношений. Применяя технику двойника, можно точнее и глубже понять проблемы семьи, например делая наглядным или действие одного из вытесненных аффектов, или блокирование поведения в результате непереработанного двойственного переживания. Для такого представления можно использовать и кукол, надеваемых на руку, хотя, по моему мнению, социометрическая наглядность и обозримость сцены в этом случае не так отчетливо выражены.

Однако и куклы, и фигуры позволяют передать информацию в игровой форме, причем столь наглядно и выразительно, что она становится понятна и детям, и родителям. При этом все участники терапевтического процесса имеют перед собой одни и те же образы разрабатываемых гипотез.

Мне могут возразить, что имеющихся у терапевта фигур может быть недостаточно для того, чтобы глубже разобраться в проблеме, и, следовательно, смысл, придаваемый фигурам, может значительно исказиться. Например, ребенок берет фигуру разбойника и называет ее «стандартным» разбойничьим именем Хотценплотц, а фигуру полицейского — Димпфельмозером*. В ответ на это возражение могу сказать, что даже если в начале работы с фигурами и используется подобное клише, то опасность искажения относительно невысока. Нам важна не сама фигура, символизирующая определенное значение, а то, что человек, выбравший фигуру, приписывает ей в своих высказываниях.

Когда, например, десятилетняя Ева для изображения матери выбрала кошку, мать была заметно уязвлена, потому что она терпеть не могла кошек. И только когда Ева сказала: «К маме ведь так хорошо прижиматься!» — мать улыбнулась, и ее лицо расслабилось. Иногда бывает неожиданным и поразительным то, какая фигура или ее особенность в представлении ребенка в конкретной терапевтической обстановке приобретает для него важность и наполняется смыслом. Ведь кошка в нашем примере была не матерью, а символом определенного аспекта отношения Евы к матери в данной специфической ситуации. Нельзя исключать и такую возможность, что фигура кошки,

* Персонажи популярных в Германии детских книг О. Пройслера.

с ее когтями, зубами и охотничьим нравом, могла бы воплощать и характерные признаки агрессивности и автономии, которые в данный момент Евой все же не были названы.

Так как символ совмещает в себе противоположные стороны, будет правильно, если мы поставим под вопрос наши знания и догадки и не будем перегружать фигуры, которые выбирают дети или родители, чрезмерным смыслом. Кроме того, смысл каждой фигуры можно понять лишь по ее отношению к другим фигурам. В нашем примере Ева выбрала для себя фигурку пастушьей собаки — овчарки, которую она назвала «диким волком». Теперь уже можно было с большей долей уверенности предположить, какие импульсы возникали у Евы наряду с желанием ластиться и прижиматься.

Следует всегда тщательно продумывать, будем ли мы трагивать «заподозренную» нами проблему или же будем полагаться на то, что члены семьи на основании бессознательного импульса сами поднимут эту тему (например, в случае Евы — тему агрессивных аспектов ее личности).

Гипотеза, которую мы сообщаем семье, в любом случае должна иметь форму вопроса, мотивирующего семью к совместной работе и дающего ей возможность дополнить гипотезу или же дистанцироваться от нее.

В работе с фигурами я провожу различие между *скульптурой-конфликтом*, служащей для представления актуальной динамики семьи, и *скульптурой-развитием*, которая отражает процесс возникновения семьи и через различные фазы ее развития приходит к актуальной проблемной ситуации.

Иногда создание скульптуры-конфликта возможно уже в конце первой беседы. Для построения скульптуры-развития необходимо, как правило, больше информации, поэтому ее обычно применяют ближе к концу диагностической начальной фазы консультирования.

Прежде чем приступить к описанию случаев, необходимо заметить, что приводимые примеры из практики не воспроизводят процесс консультирования полностью, а служат лишь иллюстрацией возможностей психодрамы, поэтому некоторые рабочие аспекты сессий представлены в сильно сокращенном виде.

СКУЛЬПТУРА-КОНФЛИКТ

Семья

На консультацию был записан девятилетний Кевин, нормально развитый и очень бойкий мальчик. Он часто конфликтовал с матерью по поводу выполнения домашних заданий. Его пятилетний брат Йонатан был, по словам матери, «легким ребенком».

Мать — очень эмоциональная, говорила так много, что трудно было вставить слово. Отец, спокойный, приятный человек, имел средний воинский чин в Армии и часто неделями отсутствовал дома, последние несколько месяцев находился в Боснии.

Динамика

Отец ожидал, что, возвратясь после долгого отсутствия домой, он сможет расслабиться, а жена будет оказывать ему достаточно внимания. Мать, напротив, ждала, что он наконец-то начнет заниматься сыновьями, а у нее появится время для себя. Однако шумные конфликты между матерью и Кевином во время выполнения домашних заданий приводили к тому, что отец злился и иногда срывался. В результате нагрузка матери возрастала, приводя в конечном итоге к напряжению между супругами и вызывая соответствующую цепную реакцию. Кевин несколько раз пытался убежать из дома.

Скульптура

Во время первой беседы присутствовали родители и Кевин.

Матери и Кевиному потребовалось много времени для описания и изображения своего конфликта. Мать критиковала и жаловалась, Кевин оправдывался и жаловался на мать, которая будто бы его била. Вмешаться в их разговор было трудно. Отец почти всегда только молча качал головой, и мне стоило больших усилий не поступать так же. В таких случаях, чтобы не разжигать ссору между матерью и Кевином, я просил их привести примеры положительного общения друг с другом и спрашивал, как им удавалось этого достичь.

В конце концов я решил, что мне может помочь скульптура из фигур животных, в частности и в том, чтобы как-то канализировать словесный поток матери. Зная, что у меня есть большой выбор фигурок медведей, я начал следующим образом:

«Вы сейчас подробно описали ваши проблемы. И вы находитесь в необычной ситуации в силу вашего (обращаясь к отцу) профессионального участия в миротворческих операциях. Может быть, я пока не могу правильно представить себе, что это означает для вашей повседневной жизни и по отношению к проблеме, но я хотел бы просто показать вам, что я думаю по этому поводу. Я буду использовать фигурки медведей. Тогда тебе, Кевин, будет легче видеть и понимать, что я имею в виду, и высказывать свое мнение по этому поводу.»

Кевин, я знаю, что тебе и родителям часто бывает хорошо друг с другом (я ссылаюсь на описанные ранее позитивные ситуации), но сейчас мы будем говорить о проблеме.

Этого большого, выглядящего несколько свирепо медведя я возьму для вас, фрау Петер, но только для тех ситуаций, когда Кевин не выполняет домашние задания и вы сильно сердитесь. Ведь в таких случаях ваш ласковый и нежный, дружеский характер может и не обнаружить себя.

Рядом с вами я ставлю этого совсем маленького медвежонка, который жует какую-то веточку. Он выглядит довольным, еще не ходит в школу, — это Йонатан.

Кевин, для тебя я беру медведя среднего размера.

В хорошие времена ты так же близок к маме, как и Йонатан, но если возникает ссора, то вы далеко друг от друга (я ставлю медведя напротив фигуры матери, на расстоянии примерно 10–15 см от нее), вы рычите друг на друга, показываете свои клыки — и, может быть, иногда тебе хочется убежать?»

Кевин соглашается, после чего я поворачиваю его фигуру и, отодвинув ее еще немного дальше, ставлю спиной к медведю-матери. При этом я вопросительно смотрю на Кевина — он снова соглашается.

«Такое случается и когда твой папа далеко. Я беру для вас, господин Петер, этого уютно сидящего медведя, потому что, я думаю, вы радуетесь, когда снова наступает время возвращаться к семье. Все же я ставлю вас немного в стороне, потому что вы, когда участвуете в миротворческих операциях, не только телом, но и мыслями далеко от дома. (Я ставлю фигуру отца почти в полутора метрах от других фигур.) Это не слишком далеко?»

«Годится», — отвечает отец.

«Для вашей жены это означает, что ей приходится всякий раз справляться со всеми делами одной, причем в течение долгого времени. Когда вы потом возвращаетесь, налицо самые различные ожидания. В вашем случае это желание отдыха, разрядки и близости к семье (я ставлю фигуру отца к семье). Вот так — годится?»

Он поправляет: «Чуть-чуть поближе к моей жене!»

«А вы (я обращаюсь к фрау Петер), напротив, ожидаете поддержки, ждете сильного мужчину. А ты, Кевин, радуешься тому, что можешь вместе с папой что-то сделать, например, сходить в бассейн, как ты рассказывал. Но ты, наверное, побаиваешься, что папа будет строгим из-за трудностей с домашними заданиями?»

Кевин кивает.

«Я поставлю за доброжелательной фигурой отца вот этого медведя, угрожающе вставшего на задние лапы. Он

будет обозначать строгость отца, вызывающую у тебя страх».

Поворачиваюсь к отцу: «Наверное, этой фигурой можно обозначить и гнев, который вы испытываете, когда вам становится невмозмуту из-за ссор по поводу домашних заданий?» Отец кивает, усмехаясь.

«Тогда вопрос звучит так: как бы вы могли поддержать свою семью, чтобы ссора не разгорелась еще больше? Потому что ссора рождает страх, и из-за этого ты, Кевин, можешь учиться еще хуже.

Следующий интересующий меня вопрос: почему ты, Кевин, ссоришься со своей мамой, хотя она хочет тебе помочь? Ты, наверное, иногда думаешь, что только с тобой ругаются, а Йонатан — любимчик?» Кевин кивает.

«Мы должны тем не менее выяснить и понять, что ты можешь изменить в своем поведении и как твои родители тебе при этом могут помочь, — говорю я и подвожу итог сессии: — Как я увидел, вы смогли согласиться с большей частью показанного мной, даже если не все удалось отразить с помощью наших фигур. Если вы согласны, мы поработаем с ними и в следующий раз, а пока и у вас, и у меня есть время поразмышлять».

Заключительную часть этой беседы я привел в сокращенном виде, ее полное содержание было важно для контракта, заключенного с семьей, но несущественно для изложения метода.

Комментарии

Введение фигур было неожиданным и вызвало любопытство членов семьи. Это не только ограничило поток речи матери, но также сняло эмоциональное напряжение, которое достаточно возросло, в том числе и у отца, из-за жалоб матери и попыток Кевина оправдаться и все объяснить. Тем самым было привлечено внимание всей семьи.

Мне могут возразить, указав, что скульптура отражает конфликтную ситуацию и не затрагивает все то положительное, что есть в семье (о чем мы узнали во время беседы в начале

работы). С подобными возражениями мне трудно согласиться. Мы признаем компетенцию членов семьи и даем понять им, что происходящие в данный момент конфликты не окажут отрицательного влияния на наше уважение к ним.

Соперничество между братьями было затронуто в беседе лишь коротко, но благодаря маленькой фигуре медвежонка в сцене присутствовал и Йонатан, и родители смогли заметить и ощутить, как по-разному они относятся к старшему и младшему сыновьям.

Фигуру отца я расположил далеко от других фигур. Этим я сигнализировал матери о моем понимании ее ситуации и позволил также отцу увидеть, что его жена часто находится в положении матери-одиночки.

Работа с частями личности отца была осуществлена при помощи фигур двух медведей: агрессивного, стоящего на задних лапах, и уютно сидящего. С одной стороны, эта работа касалась его регрессивных ожиданий, с другой — агрессивной роли, в которой он очутился помимо своей воли. Динамические изменения в системе в результате его возвращения не были отражены в этой скульптуре: я полагал, что для первой встречи это было бы чересчур.

Благодаря скульптуре обозначились неосознанные противоположные ожидания родителей, приводящие их к разочарованию друг в друге. Постоянные ссоры Кевина с матерью отвлекали их от осознания этих ожиданий. Однако следовало подождать, не заговорят ли родители об этом сами — что они впоследствии, после четырех сессий, действительно сделали.

Итак, скульптура помогала вербально удерживаться на представленной симптоматике и вводить ее в общую динамику развития семьи. Это дало возможность частично снять обвинение с «подсудимого» Кевина. Одновременно была предложена предварительная гипотеза. Она служила «базовым лагерем», отправной точкой для последующих этапов совместной «экспедиции».

Обратится ли семья спонтанно еще раз к фигурам на следующих сессиях, или нам заново придется их вводить, чтобы процесс терапии продвигался, — этот вопрос всегда остается открытым.

СКУЛЬПТУРА-РАЗВИТИЕ

Вторая возможность применения фигур животных в нашей работе — с помощью скульптуры показать в развитии, как возникла семья и как формировалась ее проблематика. Я в таком случае сообщаю о гипотезе совсем немного, концентрируюсь в основном на процессе развития семьи. Во время работы при обсуждении каждого изменения в семье надо удостовериться, связано ли это событие из прошлого с актуальным конфликтом. Как правило, к этому моменту уже состоялось несколько сессий, так что мы действительно можем построить скульптуру-развитие. Приведем пример такой работы.

Семья

Девятилетнему Филиппу часто становилось плохо, он жаловался на удушье и неоднократно говорил о том, что больше не хочет жить дома.

На первую сессию Филипп неожиданно взял с собой блокнот, чтобы записывать все, о чем будет говориться. Мальчик выглядел открытым и любознательным.

Мать, 34 года, очень модно одетая, все время приветливо улыбалась, даже если говорила о происходящих событиях, которые, по ее словам, произвели на нее шокирующее впечатление. Женщина оживленно и свободно принимала участие в разговоре.

У нее было заболевание сердца, она перенесла несколько операций и уже трижды находилась на грани жизни и смерти.

Филипп учился в первом классе, когда его родители развелись, перед этим на протяжении двух лет между ними происходили частые и громкие ссоры. Мать самокритично говорила, что у нее с сыном чрезмерно тесная связь и ей очень тяжело сказать ему «нет» и быть настойчивой и последовательной.

Нынешний неофициальный муж матери жил в семье полтора года, Филипп называл его по имени, Хельмутом.

Динамика

Хельмут высказывался только тогда, когда его спрашивали, но спонтанно в беседу не вступал, даже в ответ на «массивную» критику. В первый год совместной жизни Хельмут попробовал

установить с Филиппом дружеские, приятельские отношения и совершенно не вмешивался в его воспитание. В последние месяцы он, напротив, стал вмешиваться и устанавливать границы, мать же не хотела этого. В результате возникали частые конфликты между матерью и Хельмутом, и он отступал.

На сессии мать критиковала Хельмута, говорила, что он, в отличие от начала их отношений, уже долгое время не проявлял по отношению к ней и Филиппу свою симпатию и признание. Хельмут подтвердил, что он «вне игры» и разочарован тем, что его мнением не интересуются.

Скульптура

«Филипп, я хотел бы показать тебе, как я представляю себе развитие вашей семьи, — но для этого мне нужна твоя поддержка. Ты можешь найти для себя, мамы, папы и Хельмута фигуры животных?»

Уже во время беседы фигуры вызвали у мальчика живой интерес, и он сразу согласился. На свой блокнот он перестал обращать внимание. Филипп выбрал фигурки и прокомментировал: «Для моего папы я возьму гориллу Кинг-Конга, потому что, когда я был маленький, я иногда его боялся, а сейчас больше не боюсь. Я буду леопардом: леопард сильный. Мама — жирафа, а Хельмут — слон, он тоже сильный».

Построение скульптуры-развития происходит следующим образом.

Я ставлю Кинг-Конга и жирафу совсем близко друг с другом (телесный контакт) и говорю, обращаясь к Филиппу: «Было время, когда твоя мама и твой папа были влюблены друг в друга и они жили вместе. А потом на свет появился ты. Куда мы поместим маленького леопарда, маленького Филиппа, слева, или справа, или в середину?»

Филипп отвечает: «Конечно в середину!» — и, поощряемый мной, ставит фигуру леопарда между жирафой и гориллой.

«Да, точно, — добавляю я, — вот как можно это показать при помощи фигур. Когда двое любят друг друга,

их ставят вместе, а когда они друг друга не понимают — дальше друг от друга, а при ссоре — еще дальше! К сожалению, твои родители через несколько лет уже не так хорошо понимали друг друга, все чаще возникали ссоры, и, когда тебе было шесть лет, они развелись». Я отодвигаю Кинг-Конга примерно на 20–25 см в сторону.

Филипп сам проявляет активность: отодвигает Кинг-Конга еще на столько же и опускает его угрожающе поднятые руки, которые он до этого сам поднял. «Я теперь вижу его не так часто!» — говорит он при этом.

«После этого твоя мама и ты жили у бабушки и дедушки, очень близко друг к другу, в одной комнате. После развода тебе, наверное, было очень важно пережить то, что мама здесь, с тобой, и никуда не денется. Кроме того, твоя мама была очень больна, и ты заботился о ней — видишь, между тобой и мамой была очень тесная связь».

Филипп: «Да, точно, мы иногда даже боролись!» С этими словами он берет своего леопарда, прыгает им жирафе на шею, они падают, и Филипп кладет леопарда на жирафу. Мальчик оставляет фигуры лежать в таком виде.

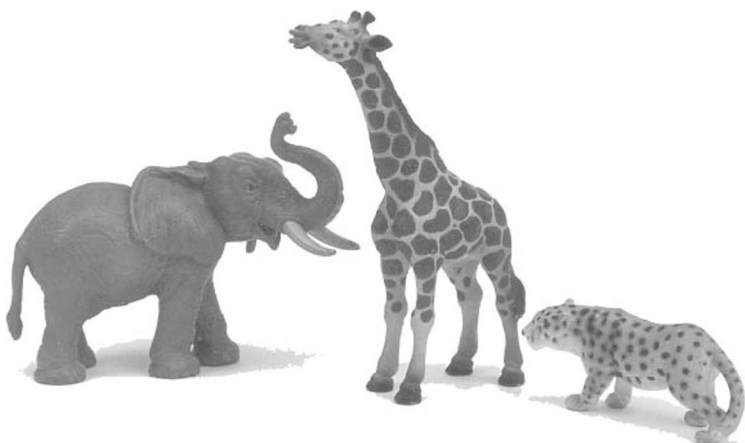
«Потом появляется еще и Хельмут, — говорю я. — Куда ты хочешь его поставить?» Филипп ставит его очень близко, но так, что фигуры не соприкасаются.

«Иногда Хельмут был тебе как друг, он играл с тобой». С этими словами я беру леопарда, снимаю его с жирафы и отставляю подальше. Слона я ставлю рядом с леопардом, так что теперь они оба (леопард и слон) явно отделены от матери.

«И все же в последнее время что-то изменилось. Иногда Хельмут вел себя так, как будто он отец в семье. Он мог быть и недовольным, мог сказать “нет”. Он не был больше приятелем». После этих слов я отодвигаю слона на небольшое расстояние, ставлю его напротив леопарда и говорю: «Слон трубит сейчас: “Нет”!»

Это пугает жирафу, и она, обеспокоенная, встает между ними.

Однако слон обижается и отступает. И у всех отвратительное настроение». С этими словами я беру слона, поворачиваю его спиной ко всем остальным и отодвигаю его в сторону на расстояние 10–15 см.

Я постоянно использую визуальный контакт, чтобы удостовериться, согласна ли со мной семья.

Кроме того, мы в процессе работы выясняем, что мать и Хельмут это изменение не обсуждали. Поэтому Филипп мог настраивать их друг против друга, что приводило к конфликтам между матерью и Хельмутом, после которых Хельмут отступал.

Я говорю Филиппу: «Быть может, ты думал: “Ой-ой-ой, сейчас опять начнется! Вдруг слон одичает и станет как Кинг-Конг? Я лучше сбегу к моим бабушке с бабушкой!”». И я отодвигаю леопарда подальше от других фигур и ставлю его спиной к ним. «Да, у бабушки и дедушки всегда здорово!» — соглашается мальчик.

В заключение мы договариваемся о следующей встрече, посвященной роли Хельмута в семье.

Комментарии

Тесная связь между матерью и сыном и «периферийное положение» Хельмута были ясны с самого начала. Такую расстановку фигур я хотел представить не только как реактивное отклонение, но и как результат семейного развития. Я и в дальнейшем уделял внимание процессу триангуляции* в этой новой «семье».

Во время работы с фигурами животных стали очевидны еще и другие темы:

1. Тема эдипова конфликта. Возможно, на него указывали действия Филиппа с леопардом по отношению к жирафемаме. Или же это был образ, служащий защитой от темы болезни и смерти матери.
2. Тема связи Филиппа с родным отцом. Тот факт, что отдельные фигуры в скульптуре невозможно «потерять из виду», является бесспорным достоинством и преимуществом скульптуры. Кинг-Конга в нашей игре нельзя было не заметить, не была также упущена и его личностная значимость для Филиппа. Все участники сессии все время видели эту фигуру, даже если осознанно еще не направляли на Кинг-Конга своего внимания.

Хельмут показался мне в целом очень сдержанным и замкнутым, и я спрашивал себя, действительно ли год назад он был более эмоциональным, или же сейчас мать воспринимает

* **Триангуляция** — специфическое понятие семейной терапии, означающее образование «треугольников отношений», когда в диадические семейные отношения в условиях эмоционального напряжения и в ситуации угрозы для их существования вводится третье лицо или нечто другое (работа, алкоголь и пр.) с целью ослабить напряжение и смягчить конфликт.

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru